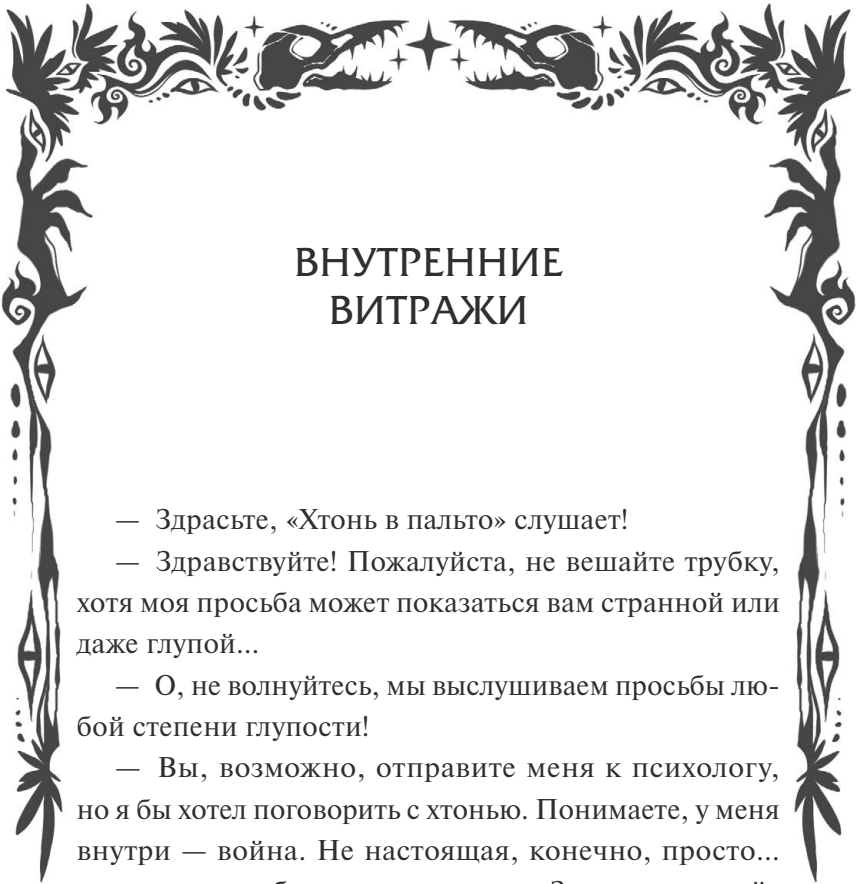

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ВНУТРЕННИЕ ВИТРАЖИ

— Здравсьте, «Хтонь в пальто» слушает!

— Здравствуйте! Пожалуйста, не вешайте трубку, хотя моя просьба может показаться вам странной или даже глупой...

— О, не волнуйтесь, мы выслушиваем просьбы любой степени глупости!

— Вы, возможно, отправите меня к психологу, но я бы хотел поговорить с хтонью. Понимаете, у меня внутри — война. Не настоящая, конечно, просто... я не могу подобрать другого слова. Закручивающийся тревожный хаос. Психологи, наверное, не работают с хаосом, а вот хтони... К вам можно с таким обратиться?

— Интересный у вас запрос; с таким бы и правда к психологу. Но не отключайтесь, я уточню, сможет ли кто-то взяться за ваш заказ.

— Спасибо!

— Да не за что пока.

— Ну как же? За то, что не послали.

Пару дней назад Вик ушел на север — учиться быть замом. И без него на точке... не то чтобы плохо, но совсем не так, как с ним. Никто не распевает детские песенки, не требует играть в города, не приносит с утра кофе. И смертью здесь почти не пахнет.

Вздохнув, Лия подтягивает повыше воротник водолазки. Она пробовала отвлечься, почитать книгу: Лютый посоветовал городское фэнтези с интригующим названием «Смотри сквозь туман»; но не пошло. Не то настроение.

К хорошему быстро привыкаешь — и с трудом отвыкаешь. Наверное, поэтому на душе паршиво? Или дело в мерзкой мороси за окном, которая так и шепчет: «Давай, похандри всласть, ни в каких мрачных мыслях себе не отказывай»?..

Завернуться бы в одеяло, забиться в угол, задремать — и проснуться там, где будет хорошо. Под боком у Вика, например. Интересно, ему тоже тоскливо?

В комнату заглядывает Крис в спущенных на шею наушниках. Судя по закушенной губе, заказ попался непростой.

— Возьмешься? Там... уф, все сумбурно, как бы сформулировать... Короче, парень, по-моему, в себе запутался, говорит что-то про внутреннюю войну и тревожный хаос. Может, ты съездишь и посмотришь?

Лия приподнимает брови: еще один оригинальный запрос? Свидание с собой, проблема украденного времени, корни которой растут из бешеного трудоголизма...

Чем дальше, тем глубже в психологию; хоть дополнительное образование получай, чтобы грамотно работать. А то в процессе распутывания хитрого узора чувств заденешь ниточку, а та растяжкой окажется. Ба-бах! — и останутся от вас с заказчиком только рожки да ножки.

Подергать, что ли, Гора на предмет углубленных курсов? Или Вику сказать: пускай намекнет, все равно теперь тесно общается.

Но это — потом, а что сейчас-то делать? Брать или не брать? Вытянет такой заказ, когда на душе унылая серость?

«Эй, взгляни с другой стороны: когда последний раз было что-то настолько же интересное? И ты собираешься пропустить все веселье из-за дурацкого желания сидеть на подоконнике, завернувшись в плед, и думать про Вика?»

— Так что?.. — напоминает Крис, нервно прово-
рачивая в ухе сережку.

— Я возьмусь, — кивает Лия. — Надо же кому-то полюбоваться на этот внутренний хаос; а то он там, бедный, наверняка заскучал.

А по пути можно выпить кофе и, встряхнувшись, написать Вику: «Давай встретимся?» Нечего унывать.

— Давайте сразу условимся: у меня нет психологического образования, поэтому я буду говорить на чисто обывательском уровне.

Эту фразу Лия репетировала всю дорогу, надеясь, что голос не дрогнет в самый неподходящий момент. Всегда важно заранее очертить границы и обговорить детали, а уж на таком специфическом заказе — тем более. Вдруг все-таки ждут профессиональной помощи?

— Конечно, — коротко улыбается заказчик, парень неопределенного возраста с печальным лицом фарфоровой куклы, созданной не для игры, а для сидения на полке. — Я не совсем точно сформулировал при звонке: мне хочется не столько разобраться, сколько поделиться. Отразиться в ком-то со всем этим звоном и сиянием. Вы побудете моим зеркалом?

Сглотнув, Лия растерянно кивает. Какое у него своеобразное восприятие мира: будто в душе — куча разрозненных призм, и внешние события, проходя сквозь их грани, превращаются в причудливую игру света и тени. Обычно у людей — да и хтоней — внутреннее устройство более... цельное.

— Извините, что я так сразу. — Явно смутившись, он запрокидывает за ухо каштановый завиток и представляется: — Я Вадим. Пожалуйста, вешайте пальто и разувайтесь. Вот ваши тапочки.

— Я Лия. Давайте на «ты»?

— Как вам угодно, — снова короткая улыбка.

Своеобразное у него не только восприятие мира: как преувеличенно вежливо он говорит! Интересно, что же за тревожный хаос затаился внутри у такого

исключительно аккуратного человека? Или как раз у таких хаос самый зубастый?

Проводив на кухню, Вадим предлагает кофе: не растворимый, а в джезве, с апельсином и пряностями. «Сварится за пять минут, у меня есть молоко и сливки, желаешь?» Несмотря на выпитый капучино, Лия желает; а пока Вадим увлеченно готовит, осматривается.

Квартира у него в старом фонде, еще дореволюционная, если память не подводит; и мебель тут под стать: потертый сервант со стеклянными дверцами, круглый стол, стулья с резными спинками. Вешалка в прихожей, кажется, тоже не особенно современная; и если заглянуть в комнату, оттуда непременно повеет стариной. Удивительно, что одет Вадим не в белую рубашку с кружевами, а в банальный синий свитер и флисовые штаны, — зато спина такая ровная, будто за макушку к потолку привязали.

Никаких активных действий до разговора — но любопытно до ужаса. Да и разве подсматривание одним глазком можно назвать активными действиями?..

Прищурившись, Лия вглядывается во внутренний мир Вадима и закусывает губу, пряча хищный оскал. Не рассмотрела сразу: там не призмы — целый калейдоскоп, и узор меняется от малейшего вздоха. Вот уж и правда тревожный хаос!

Интересно, что разбило его душу на сотню цветных осколков? Режутся они — или за много лет края затупились? Что будет, если туда пальцы запустить?..

Кофе изумительно пахнет апельсином и кажется не напитком даже — десертом. Особенно со сливками, которые Вадим любезно предлагает подогреть.

Отпив полчашки и лишь тогда сумев оторваться, Лия барабанит пальцами по столу (неужели от Вика нахваталась?).

— Значит, ты бы хотел поделиться своим хаосом?

— Именно, — кивает сидящий напротив Вадим. У него кофе без молока и без сахара; какой суровый молодой человек.

— Оке-ей, — привычно тянет Лия и осекается: чересчур современное слово так неуместно звучит в этой пропитанной временем квартире. — Тогда, может, расскажешь, как ощущаешь все эти сложные внутренние процессы? Или ты не словами делиться хотел?

И снова короткая улыбка на печальном фарфоровом лице:

— Меня вполне устрают слова.

Какой же он красивый: темноволосый, бледнокожий, с почти аристократическими манерами. И вместе с тем — хрупкий; дохнуть страшно, не то что коснуться. Из-за россыпи осколков внутри?..

— При звонке я назвал свои ощущения войной, но не имел в виду ярость и смерть. Скорее беспорядок и растерянность. Будто случилось землетрясение, и никто не пострадал, но разбился любимый мамин

хрусталь. Мама плачет, а ты собираешь осколки, пальцы изрезаны в кровь, и вроде не больно, и тебе дела не было до хрусталя, но все равно это кажется страшной бедой. — Виновато улыбнувшись, Вадим поясняет: — Я не придумал этот образ для большей красочности моего рассказа. Он сам пришел, совершенно реальный, но в то же время взятый абсолютно точно не из моей жизни. Подобное происходит не в первый раз, и я понимаю, что с таким анамнезом пора к психологу или даже психиатру, но... Меня это не беспокоит, так, утомляет иногда. И при этом доставляет определенное удовольствие.

«Доставляет определенное удовольствие»... Ну и фразочки у него.

— А еще, бывает, одно-единственное слово обрушивает ворох ощущений: июльская жара, автобус, оттоптанная кроссовка, головная боль от духоты. Или, засыпая, слышишь визг тормозов за окном — и будто неоновым светом ударили по глазам, приходится зубы сжимать, чтобы не вывернуло. Или чувствуешь запах весенней травы, скользнувший в кабинет, и вот уже камни летят из-под копыт, ветер треплет гриву, всадник подгоняет: быстрее, быстрее!.. Тебе говорят: «Почему самостоятельную не пишешь?» А ты не помнишь, как ручку держать. — Вадим делает глоток кофе и хмурится: — Я, наверное, совсем непонятно говорю?

Щелк-шелк-шелк — складываются внутри новые цветные узоры.

— Да нет, вполне понятно, — пожимает плечами Лия. — Но можно еще какой-нибудь пример, если тебе несложно?

И прикусывает кончик языка — потому что просит не понимания ради, а исключительно удовольствия для. Уж очень вкусное у него восприятие мира.

Кивнув, Вадим задумывается всего на пару мгновений.

— Самое жуткое, наверное, — когда приходит чужая боль. Я не всегда понимаю, кто в меня отразился, но страдания испытываю такие, будто боль моя собственная. Сначала так и думал, кстати, но следов не оставалось, да и врачи ничего не находили. Поэтому теперь я в такие моменты спокоен — насколько можно быть спокойным, когда тебе вспарывают живот.

Сдержав порыв хищно облизнуться, Лия интересуется:

— А как давно ты ощущаешь мир через такие образы? Если, конечно, это не секрет.

Вадим, снова заправив за ухо непослушную прядь, пожимает плечами:

— Почему же секрет? Я таким родился. Мама говорит, я был странным ребенком, но в первом классе все прошло. А я просто научился молчать. — На этот раз он даже не улыбается, лишь приподнимает уголки губ. — До какого-то момента я искал тех, кто меня поймет, потом разочаровался. А на днях увидел на улице визитку вашего агентства и подумал: хтони ведь

иначе воспринимают мир, вдруг мы с кем-нибудь да со-
впадем... внутренним хаосом.

Чем причудливее внутреннее устройство, тем инте-
реснее жить — но тем сложнее найти того, кто отра-
зил бы тебя, будто зеркало, кто разглядел бы в непри-
вычной, пугающей картине мира захватывающую дух
красоту. Иногда даже — кто бы просто принял и позво-
лил быть настолько странным, насколько нужно.

Бедный одинокий мальчик.

Но как удачно сложились дороги его судьбы, при-
ведя сюда, на встречу с хтонью, которая обожает рас-
сматривать чужие души.

Лия допивает кофе — апельсин в конце ощущает-
ся особенно ярко — и оскаливается, теперь уже ниче-
го не стесняясь.

— Ты позволишь мне сделать очень странную вещь?

— Еще страннее, чем моя просьба? — Несмотря
на тень страха в глазах, Вадим искренне улыбается. —
Или ты хочешь меня съесть? Зубы у тебя, конечно...

— Я не ем людей, — успокаивает Лия. Отодвигает-
ся от стола вместе со стулом, просит: — Сядь напротив.

И когда Вадим, придвинувшись, складывает руки
на коленях, как примерный школьник, — она запуска-
ет когти ему в грудь.

Конечно, не настоящие — хтонические: как иначе
трогать чужую душу? А душа и рада этим прикоснове-
ниям, этому вниманию — спустя столько лет одино-
чества. И Вадим рад: глаза у него вспыхивают и на блед-
ных фарфоровых щеках проступает румянец.

Разноцветные осколки тянутся к когтям, будто гвозди — к магниту, шуршат, пересобираясь во все новые и новые узоры: смущение, любопытство, восторг.

«Какой же ты прекрасный», — щурится Лия, водя когтями у Вадима в груди. И ни тени лжи не падает на осколки — только искренний восхищенный свет.

— Не знаю, что ты делала, но я никогда такого не чувствовал!

Растрепанный, с жадным блеском в глазах и живым красным лицом, Вадим ничуть не похож на того хрупкого и одинокого парня, который сидел на этом стуле всего десять минут назад. Какие чудеса творит с людьми искреннее внимание! А главное — вовсе не обязательно каждый раз щупать когтями душу, есть десятки других способов; но этот — быстрее прочих.

— Я всего лишь побыла для тебя зеркалом, — улыбается Лия. — Подарила немного внимания и понимания. И знаешь... — Она прикусывает язык: о советах никто не просил, может, лучше промолчать?

Но Вадим поднимает брови, и приходится договаривать:

— Я могу представить, как тебе больно каждый раз сталкиваться с глухими стенами и затылками. Но не переставай искать — и однажды встретишь открытую дверь и теплую улыбку. Где-нибудь в мире обязательно

есть человек, рядом с которым можно быть собой — со всей внутренней войной и тревожным хаосом.

Заглянув в чашку с остатками кофе, Вадим признаётся:

— Тебе хочется верить. Может, однажды я наберусь смелости попробовать снова.

— А пока звони в наше агентство, — подмигивает Лия. — Буду рада еще с тобой поболтать.

В прихожей Вадим помогает надеть пальто, заботливо поправляет воротник и, задержав руку у лица, полусогнутым пальцем касается щеки. Прикусив язык, Лия спешно переводит тему — пока это прикосновение не превратилось во что-нибудь большее:

— Советую купить ловец солнца. Никогда такие не видел? — Вадим качает головой. — Поищи, тебе понравится. Вы чем-то похожи, как бы странно это ни звучало.

— Уж не страннее, чем весь сегодняшний день, правда?

Махнув на прощание, Лия выходит из квартиры со смесью восхищения и досады. Какой прекрасный мальчик, какой у него внутри калейдоскоп! Но как неосторожно она себя повела, рассыпав ложные намеки! Или все дело в щедро одаренной вниманием душе? Когда мир был холоден столько долгих лет, неудивительно испытать симпатию к первому же, кто по-настоящему тебя заметил.

Но эта мимолетная симпатия вряд ли перерастет во что-то большее — хотя бы потому, что встреча была

первой и последней. А без постоянного взаимодействия откуда взяться... ну, например, той же влюбленности?..

В кармане вибрирует телефон, и Лия, взглянув на экран, широко улыбается.

«Давай, — пишет Вик. — Готов сорваться сразу после смены, ужасно по тебе скучаю».

Пусть Вадиму повезет найти того, кто восхитится не только его душой, но и человеческой частью! Как однажды повезло ей.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

